

Веселое царство (Чарская)

Оригинал находится здесь: www.skazka.com.ru

Текст приведен по изданию: Чарская Л. А. Сказки голубой феи. — М.: Профиздат, 1992.

Ха! Ха! Ха!

Хи! Хи! Хи!

За десятки, за сотни, за тысячи верст раздавались громкие раскаты веселого, беззаботного смеха. Раздавались с утра и до вечера, с заката и до восхода солнца, раздавались без перерыва.

Это смеялись жители Веселого царства. Странное, совсем особенное это было царство. Другого такого нет, не было и не будет на земле.

Очень занятное царство. Там никто никогда не горевал, не плакал, не жаловался, не печалился, не болел. Там все смеялись, смеялись постоянно, смеялись без усталости. Ходили — и смеялись, сидели — и смеялись, работали — и смеялись, говорили — и смеялись, даже... спали — и смеялись. Только и слышно было: ха, ха, ха да хи, хи, хи!

В Веселом царстве не было ни горя, ни забот. Его жители не знали ни нищеты, ни грусти; они никогда не болели, не страдали и доживали, веселые и довольные, до глубокой старости. Рождались со смехом и умирали со смехом, передавая своим потомкам способность весело смеяться.

Веселее всех смеялся царь Веселого царства. Веселая улыбка так и не сходила с его лица; на высоком его лбу никогда не видно было морщинки грусти, а глаза царские постоянно искрились смехом — добрым, веселым смехом.

Просыпался утром веселый царь и со смехом звонил в колокольчик. Со смехом появлялись царские слуги.

— Давайте одеваться. Хи-хи-хи! — командовал царь.

— Извольте, ваше величество, ха-ха-ха! — заливались слуги.

Одевшись, царь выходил на балкон своего дворца послушать, как смеются подданные в его столице.

По улицам бежали смеющиеся люди, со смехом возницы предлагали прохожим свои услуги, со смехом торговцы продавали свои товары...

Все смеялись. Все... И взрослые, и дети, юноши и старцы, господа и слуги, генералы и солдаты, богатые и бедные. Точно серебряный звон стоял над Веселым царством, точно там праздновался постоянно светлый, радостный праздник — так были все счастливы и веселы.

И вдруг однажды в это царство радости, довольства, счастья и смеха забрела старая, худая, согнутая в три погибели старуха — такая, какой никогда не видывали в Веселом царстве. У нее было мрачное, печальное лицо, глаза какие-то растерянные, полуслепые от слез, а щеки ввалились от худобы. Седые космы редких волос выбивались у нее из-под платка.

— Хи-хи-хи? Что за странная старуха? — удивлялись счастливые люди Веселого царства. — Ха-ха-ха! Кто ты, бабушка? -спрашивали они.

— Мое имя Нужда, — произнесла она глухим замогильным голосом. — Пришла я к вам из соседнего государства, где живут мои сестры: Горе, Болезнь, Печаль, Голодуха, Страданье. Мы все постоянно странствуем из одного места в другое, а в иных местах подолгу остаемся. В вашем царстве ни одна из нас еще не бывала, вот я и решила заглянуть к вам, чтоб убедиться, нельзя ли мне как-нибудь здесь пристроиться. Но вижу, что мне здесь не житье: все вы тут сытые, довольные, веселые...

— А ты умеешь смеяться? Ха-ха-ха! Умеешь? — зазвенело, загудело на разные голоса вокруг нее.

Старуха гордо выпрямилась. Ее глаза гневно блеснули.

— Я не умею смеяться, и не хочу смеяться, и ненавижу смех, — строго проговорила она. — Нужда не должна смеяться. Она плачет. И если бы я осталась у вас, то скоро научила бы и вас плакать.

— Плакать? — с удивлением переспросили веселые люди. — Нет, старуха, это ты напрасно думаешь. Ха-ха-ха! А вот мы заставим тебя смеяться, увидишь — заставим.

— Никогда! — сурово оборвала их старуха Нужда.

— Нет, заставим. Непременно заставим, — повторили несколько раз веселые люди. — Ха-ха-ха! Давай сейчас смеяться. Слышишь?

— Никогда! — вновь повторила Нужда. — И не требуйте от меня чтобы я смеялась: раз я засмеюсь, беда вам будет.

— Ха-ха-ха! — ответили веселые люди. — Разве от смеха может быть беда? Нет, бабушка, ты должна с нами смеяться. Ну-ка, Начинай!

— Не буду! — угрюмо повторила опять старуха.

— Ну, хоть немножко!

— Никогда! — вновь повторила Нужда.

Как ни старались веселые жители Веселого царства рассмешить старуху Нужду, их старания ни к чему не повели. Рассердились, наконец, веселые люди, но рассердились, конечно, по-своему, по-смешному.

— Не смеяться в нашем Веселом царстве, а грустить и печалиться, когда мы все смеемся, — это преступление, — говорили они. — Мы этого так не пропустим и отдадим тебя, старуха, под суд. Пусть умные судьи решат, как быть с тобою.

И недолго думая, они подхватили старуху и потащили ее в суд.

— Ха-ха-ха! В чем провинилась эта старушенция? — спросили судьи, когда привели Нужду в большую комнату, в которой заседал суд.

Веселые люди рассказали, что старуха заупрямилась, не хочет ни за что смеяться.

Стали судьи совещаться — как быть, какое придумать для печальной старухи наказание. Совещались они, конечно, смеясь и хохоча. Смеялись при этом не только судьи, но и стража, стоявшая у дверей, смеялись писцы, записывавшие решение суда, смеялись сторожа, привратники. Одна Нужда не смеялась.

Долго-долго советовались судьи, наконец обратились к Нужде с такой речью:

— Слушай, старуха. Ты лучше раскайся и засмейся. Тогда мы тебя простим. Ха-ха-ха!

Но Нужда с гневом отказалась от такого предложения. Не станет она смеяться. Ни за что не станет! Никогда не смеялась и не будет смеяться. Ее дело печалить людей, и не к лицу ей смех.

— А мы все-таки тебя заставим смеяться, — хохотали судьи. — А не захочешь, накажем тебя со всею строгостью законов Веселого царства.

— Наказывайте! Я ничего не боюсь! — надменно заявила упряmica.

Опять стали совещаться судьи. Словно пчелиное жужжанье повисло в воздухе, так они спорили и гоготали, прерывая постоянно свою речь смехом.

Кончили, наконец, совещанье и вынесли такой приговор:

— Так как старуха, несмотря на все увещания, упрямится и не хочет смеяться, то немедленно выслать ее из пределов Веселого царства и не позволить ей ни минуты оставаться среди веселых людей.

Нужда молча выслушала этот приговор. Но веселые люди, которые привели ее в суд, остались недовольны приговором.

— Что это за наказание? — кричали они. — Нет, надо непременно заставить смеяться старуху. Непременно надо. Судьи неверно решили дело! — и они потребовали, чтобы были призваны другие судьи, которые придумали бы старухе иное наказание.

Это желание было тотчас исполнено. Опять собрались судьи, опять совещались, спорили и вынесли такой приговор:

— Закрывать все заставы Веселого царства и не выпускать старуху до тех пор, пока она не станет смеяться.

Но веселый народ и этим приговором остался недоволен.

— Ха-ха-ха! — кричали веселые люди на разные лады. — Разве такой приговор подействует на упрямую старуху? Ничуть. Нет, видно, судьям не решить этого дела. Отправимся мы лучше к нашему королю: он сумеет приказать старухе смеяться. Ха-ха-ха!

И они бросились к Нужде, подхватили ее и потащили ее во дворец.

— Царь! Милостивый и справедливый! — кричали веселые люди, толпясь вокруг жилища любимого царя. — Выйди к нам. Мы привели к тебе старуху странницу Нужду, которая пришла в наше царство с печальным лицом и не хочет смеяться с нами. Прикажи ей, царь, смеяться.

Царь вышел к толпе, приблизился к старухе и, громко смеясь, произнес:

— Старуха, смейся!

— Не буду! — угрюмо отозвалась Нужда.

— Тебе говорят, смейся!

— Ни за что.

Царь хотел сделать строгое лицо и... не мог. Оно так и прыгало от смеха.

А старуха становилась с каждой минутой все угрюмее, все мрачнее.

Подумал веселый царь, как и чем заставить старуху исполнить желание народа, то есть рассмеяться, и, наконец, сказал:

— Слушай, бабушка Нужда. В наказание за твое упрямство я лишаю тебя самого дорогого, что только может быть на свете: отныне я запрещаю тебе, раз и навсегда, смеяться. Как бы весело тебе ни было на душе, ты лишена впредь возможности смеяться. Страшное это наказание! Ты его почувствуешь, старуха, потому что как рыба не может жить без воды, как никакая земная тварь не может существовать без воздуха, так человек не может жить без смеха. А ты, Нужда, лишена отныне этого великого блага, ха-ха!

— Ха-ха-ха! — раздались в ответ на это громовые раскаты смеха веселого народа, очень довольного умным приговором своего короля.

Вместе с народом расхохоталась, вопреки всем ожиданиям, и сама старуха Нужда.

Расхохоталась хриплым, замогильным, отвратительным своим смехом, таким громким, что он заглушил смех тысяч веселых людей.

Расхохоталась потому, что такого наказания никак не могла ожидать старуха Нужда.

Ее лишили того, к чему она чувствовала непреодолимое отвращение, того, чего она сама терпеть не могла. Ей, которая никогда в жизни не смеялась, запрещали смеяться! Это было так ново, необыкновенно и смешно, что Нужда не выдержала и расхохоталась первый раз в своей долгой жизни. За ней расхохотался король. За ним воины, стража, народ. И отовсюду стали раздаваться раскаты смеха. Но всех громче смеялась сама старуха Нужда. Странно, однако: чем громче смеялась она, тем тише становился смех окружающих ее жителей Веселого царства...

И лица у них, всегда такие веселые, довольные, становились все серьезнее и серьезнее. Как ни стараются они по-прежнему хохотать, смех у них выходит какой-то сдавленный, невеселый.

А старуха Нужда смеется все громче да громче, приплясывает, скачет...

Прошел день, другой, третий — и в Веселом царстве не слышно уже раскатов смеха. Раздается только странный, хриплый, неприветливый хохот старухи Нужды...

Прошло еще несколько времени — и в Веселом царстве совсем не стало больше слышно смеха. Люди точно разучились смеяться.

Даже сам царь и тот не смеялся больше. Лицо у него стало грустное-прегрустное, а глаза, которые умели только улыбаться, теперь блуждающе смотрят вдаль, где старуха Нужда, переходя из дома в дом, все смеется, скачет, приплясывает. И где только она покажется, люди сразу разучаются смеяться.

— Перестань же, старуха! — кричат ей.

Но старуха не унимается.

— Ха-ха-ха! Заставили вы меня смеяться, — отвечает она, — теперь я не могу перестать...

— И с тех пор Веселое царство превратилось в царство грусти.